

Проф. А. В. Мишулин

ИБЕРИЙСКИЙ РОД И ЕГО ЭВОЛЮЦИЯ В ДРЕВНЕЙ ИСПАНИИ

В буржуазной историографии, особенно в литературе англосаксонских стран появилось немалое количество работ, различных статей, популярных очерков, которые иногда тонко, а чаще всего грубо фальсифицируют историю. В особенности это относится к древним эпохам, где труднее докопаться до реального факта, где более свободно можно держать себя по отношению к фактам и создавать свои фальсифицирующие истории фантастические теории.

Фантастическими и совершенно антиисторическими следует признать суждения некоего Luis Araguistain'a, написавшего в журнале «Man» (март—апрель 1945 г.) статью «Некоторые пережитки древней Иберии в современной Испании» («Some survivals of ancient Iberia in modern Spain»).

Автор считает, что в современной Испании уцелели многие черты иберийского человека древности. Если пещеры Альтамиры являются «Сикстинской часовней» четвертичной эпохи (Дешелет), а Испания (как и юг Франции)—«Ривьерой четвертичного человека», то в общем, по мнению автора, вся Испания служит для нас как бы «обширным и живым Британским музеем, где обычаи, привычки и институты, датируемые самыми древними временами, все еще продолжают существовать и поныне» (стр. 30).

Автор недалек от истины в том смысле, что современный политический режим фашизма в Испании ввергнул страну во власть средневековых пережитков и не сулит народу никакого прогресса.

Однако Luis Araguistain пытается использовать эти «пережитки» для того, чтобы отвлечь народ Испании от борьбы против франкистского режима, объяснить нищету народных масс не классовой эксплуатацией, а господством... «иберийского духа». Так, например, по точной статистике известно, что немалый процент населения в Испании живет в пещерах. В городе Милагро—35% всех жителей; в Вальтьерре—27%; в Аргуэда—30%; в Андасилье—10%; в Перальте—20%; в Азагре—20%; в Мендавии и Капаррозо—20%. Luis Araguistain делает отсюда свои выводы и полагает, что эта «любовь» к пещерам является проявлением национального духа иберов, которые-де в древности еще любили жить в пещерах. «Бессознательно,—пишет автор,—современные жители этих провинций продолжают пещерные традиции, восходящие к людям Альтамиры, Гафсы и Сахары».

Отсутствие чувства юмора не позволяет автору поставить вопрос, почему ни один состоятельный испанец, как бы он ни был преисполнен

«иберийским духом», не живет в пещерах, которые являются уделом лишь бедняков.

Автор жалуется также на то, что в Испании развит анархизм и бандитизм. По мысли автора, анархистами и бандитами являются, очевидно, героические партизаны, борющиеся против франкистского фашистского режима. И тут, оказывается, во всем виноваты, по мнению автора, доисторические нравы древних иберов. «Как анархизм, так и бандитизм, — пишет автор, — являются пережитками доисторической древней борьбы и чувства затаенной обиды среди бесчисленных рас, оспаривавших территорию и господство в Испании». Вряд ли автор настолько наивен и политически неграмотен, что действительно считает борьбу испанского народа против поработителей, против фашистского господства проявлением какого-то врожденного иберийского духа. Им просто руководит ненависть и презрение к народу и демократии. Если бы он писал о борьбе греческих партизан против фашистов, он, надо полагать, и здесь ухитрился бы найти какой-то «греческий дух» для объяснения стойкой борьбы греческого народа против фашистской клики.

Не только бой быков и гинекократия у басков, но и революции — две в XIX в. и «одна большая в XX столетии» — объясняются по предлагаемому автором шаблону — любовью испанцев к древним нравам, к войнам, борьбе, насилиям и т. п.

В общем все тяжелые стороны жизни испанского народа, по мысли автора, коренятся в чем угодно, но только не в действующих в Испании силах и порядках, не в современном уровне жизни народа, вынужденного жить в пещерах, бороться против строя эксплуатации, организовывать партизанские отряды против фашистских наймитов, требовать революционного свержения фашистского режима Франко, проявлять другие «пережитки древних иберов».

Предложенная автором концепция уводит читателя от реального объяснения причин отсталости быта Испании. Обращаясь к древности, Luis Araguistain просто фальсифицирует древнюю историю Испании, которая проходила вовсе не так, как рисует себе автор. Автор, в желании увести читателя от злободневных вопросов политической жизни испанцев в настоящее время, хотел бы, чтобы современная история быта и борьбы испанцев была похожа на древнюю и только из нее простекала. Мы постараемся ниже показать, что история древних иберов являлась во многом типичной историей и для других народов древности, а отсталость современной Испании объясняется не «нравами иберов», а засильем того режима реакции и порабощения, который ныне возглавляется фашизмом Франко.

* * *

Как свидетельствуют греко-римские авторы, на территории Пиренейского полуострова жило много различных племен. Географические условия Испании изолировали отдельные районы, замыкали население их горами, течением рек или морскими границами. Замкнутость испанских племен создавала преграды для этнической и культурной нивелировки племен полуострова в доримскую эпоху. Ни кельтская волна передвижений, ни колонизация финикийцев, карфагенян и греков не могли привести к этнической унификации Испании. Распространение культуры иберов из области Альмерия, с одной стороны, и возникновение новых культурных центров в виде финикийско-карфагенских и греческих колоний — с другой, по-разному воспринимались в разных областях полуострова. Отступление иберийской культуры с юго-востока в глубь полуострова и наступление на юговосточное побережье так называемой «классической» культуры античных государств (финикийцев, греков и др.) осложнили процесс этни-

ческой, социальной и культурной консолидации на полуострове. На севере, западе, на юго-востоке и в горных районах Пиренейских гор этот сложный и скрытый еще до сих пор от взоров историков и этнологов процесс повлек за собой совершенно новые явления в жизни племен. Наступали изменения в языке, религиозных представлениях, в быте и строе жизни и, быть может, изменения прежних границ племен, которые или дробились на ряд новых в новых условиях, или совершенно исчезали и трансформировались в новое племя под влиянием процесса этнических смешений, что сыграло не последнюю роль в этногенезе народов Испании. Весь этот процесс смущал греко-римских авторов, которые часто терялись в описании племенного состава полуострова, ибо динамизм этнической консолидации был настолько силен, что придать всем племенам строго определенные границы, названия и культурную характеристику было еще невозможно.

Так, например, Страбон указывает, что в одной только западной части полуострова можно было насчитать свыше 30 различных племен. Плиний Старший по всей Испании насчитывал 513 общин или племен. Столь пестрая этнографическая картина не всегда могла быть оправдана реальными фактами. Некоторые названия являлись не чем иным, как перефразировкой названия одного и того же племени (например, кантабры и артабры, лузоны и лузитаны, бастетаны и мастиены, турдетаны и турдулы, ядетаны и авзетаны и т. д.). Однако пестрота этнического состава населения древней Испании не подлежит сомнению.

Из свидетельств древних авторов можно сделать вывод о следующих основных племенах полуострова. На юге полуострова, между реками Бетисом и Анасом жили турдетаны¹, в центральной Испании—кельтиберы, на западе полуострова—лузитаны, к северо-востоку от Эбро—илергеты, к югу от плоскогорья—карпетаны, к западу от него—вакцей и ветоны, на северо-западе Испании—кантабры, астуры и галайки (в Галисии). Таковы главнейшие племена, указываемые в наших источниках. Культурный уровень даже этих основных племен был весьма различен, не говоря уже о мелких этнических группах в горах, на плоскогорье и на северо-западе Испании.

Наиболее культурными древние считали турдетанов, тогда как горцев выделяли и всегда характеризовали примитивными чертами жизни и быта. Остановимся кратко на характеристике общего уровня культурного развития испанских племен до эпохи греческой колонизации.

Турдетаны представляли собой носителей наиболее высокой культуры среди всех иберийских племен. Смещение центров наиболее развитой так называемой «альмерийской культуры» бронзы к югу, к области Турдетании связано, очевидно, с большим размахом добычи металла, вывоза его, а также и обработки как для внутренних потребностей, так и для торговли.

Турдетаны рано начали разрабатывать залежи серебра и меди Сьерры-Морены, что, естественно, привлекло к себе мореплавателей и купцов Средиземноморья. Шультен положил немало труда для доказательства того, что турдетаны-гартессийцы сумели создать в устье Бетиса город Гартесс, являвшийся центром царства Аргантония². Увлечения Шультена привели

¹ У Л и в и я (XXI, 61) они называются Turdetani; А п и а н (Iberica, 10) употребляет для этого племени другое название—*στρῆλιγται*. Стр а б о н называет их турдетанами (III, 1, 6—8; 13—15; IV, 3), но одновременно говорит также и о турдулах (II, 11—15; III, 5).

² «Hispania», RE (A. Schulten,) VIII (1912). Мы здесь не будем рассматривать, в какой степени мифологические сведения подтверждаются археологическими данными. Только археологические раскопки и новые более солидные находки, чем отдельные вещи случайного порядка, могут пролить свет на остающуюся еще не разрешенной проблему Гартесса.

к тому, что он считал, что это было самое древнее царство Запада, которое существовало наряду с великими деспотиями древнего Востока. Несомненно лишь то, что тартессийцы, или турдетаны, были более известны античному миру, и писатели древности оставили о них немало сведений.

Рядом с горным делом у турдетанов (или у более древних тартессиев царства Аргантония) было развито и ремесло, работа по металлу. Искусное оружие из Альмединильи¹ (около Кордовы) свидетельствует о наличии развитого ремесла.

О богатствах турдетанской земли Страбон отзывается весьма высоко: «Так до настоящего времени нигде на земле нет ни золота, ни серебра, ни меди, ни железа в таком большом количестве и такого достоинства, как здесь» (S t r., III, 2, 8). Посидоний, по словам Страбона, «восхваляя изобилие и достоинство иберийских металлов, не только не воздерживается от обычных цветистых форм красноречия, но в энтузиазме впадает в преувеличения. Так, например, он не говорит, что не верит той сказке, будто, когда однажды загорелись густые леса, то земля расплавилась, так как содержала серебряную и золотую руду, и будто бы металл вытек на поверхность,—ведь, по его словам, каждая гора и каждый холм представляют кучи денег, насыпанные щедрой судьбой. Одним словом, говорит он, всякий видевший эти местности должен согласиться, что здесь находятся неиссякаемые сокровища природы или неиссякаемые казнохранилища какого-нибудь царства» (S t r., III, 2, 9). Страбон говорит и о развитом морском и кораблестроительном деле: «Действительно, среди самых разнообразных кораблей, которые приходят в Дикеархию и римскую гавань Остию, самые большие корабли—турдетанов» (S t r., III, 12, 6). Рядом с горным делом здесь рано появилось земледелие и насаждение оливок и винограда. «Из Турдетании вывозят хлеб, много вина, а масла не только большое количество, но и превосходное» (S t r., III, 2, 6). Большую роль в жизни турдетанов играло разведение овец и выделка шерсти и шерстяных материй. «К нам,—говорит С т р а б о н,—прежде приходило от них много тканей и материй, а в настоящее время шерсть их считается выше коракской (что в Колхиде), и действительно это верх красоты» (III, 2, 6). В «Географии» Страбона отмечается духовное процветание Турдетании, которая обладала своей письменностью и литературой². Литературная традиция была весьма сильной, ибо она сказалась и в позднее время. Из Испании вышли грамматик Асклепиад, поэт Лукан, оба Сенеки, Марциал и др.³. Сравнительно поздние сведения Страбона и Плиния позволяют заключать о высокой культуре турдетанов и в более древнее время.

Не подлежит сомнению, что культурное влияние этой области далее на юго-восток было значительным. Если альмерийская культура эпохи расцвета бронзы сильно влияла на соседние районы и потом сместила свой центр на юг, в район Андалусии, т. е. в области, где развивался турдетанский народ, то уже позднее, после расцвета Тартесса, эта альмерийская область стала сама объектом культурного воздействия со стороны турдетанов. Не малую роль сыграла здесь и греческая колонизация, распространившаяся на всем юго-востоке испанского побережья. Такие памятники, как «Дама из Эльче», т. н. «Благородная дама» («Дама № 3500»), золотые украшения

¹ См. об этом M e l i d a (Arqueologia Española, 246), где дается описание оружия оригинальной формы у древних иберов.

² Так, согласно С т р а б о н у, турдетаны имели свою письменность (γρῆμματα), свою записанную историю (συγγράμματα), поэзию (ποιήματα) и законы, изложенные в метрической форме (νόμους ἐμμέτρους) (III, 1, 6).

³ A. S c h u l t e n, Hispania, RE, VIII, 2017. Следует заметить, что факт выхода из Испании ряда виднейших представителей литературы римской эпохи не дает, однако, права делать какие-либо выводы о процветании литературы и поэзии в древнейшее, «тартессийское» время.

из Хавет, расписные вазы, различные хозяйственные изделия из эспарто дают в руки историка материал не только для суждения об искусстве и ремесле иберов VI—IV вв. до н. э., но и косвенные указания о социальной и хозяйственной организации иберийских племен в этот период.

Этим наиболее культурным областям Пиренейского полуострова противопоставляются лежащие к северу области карпетанов и оретанов. О них Аппиан свидетельствует¹, что ко времени Вириата они знали земледельческую культуру. Последняя, повидимому, являлась главным видом хозяйственной деятельности, ибо ни о каких других основных производствах у этих племен нам не известно. А это, повидимому, определялось менее высоким уровнем их общей социальной и культурной жизни в сравнении с племенами, жившими вдоль юговосточного побережья Испании.

Высказанное о карпетанах и оретанах еще в большей степени относится к жителям более удаленных к северу областей ареваков и вакцев, которые, повидимому, вообще ограничивались только хлебной культурой, тогда как у оретанов и карпетанов имело место возделывание культур оливы и винограда. Наряду с земледелием у ареваков Д и о д о р (V, 34) отмечает также и скотоводство, ибо мясо—их главная пища. Повидимому, эти племена возделывали позднее и лен, заимствуя его культуру с юга, ибо известно, что кельтiberские племена выделывали свои грубые плащи,—*sagum*. Добыча серебра и железа и изготовление из него оружия доказываются как археологическими памятниками, так и фактами наложения на эти племена большой дани в денежной и в натуральной форме². Всякого рода вазы с примитивными и греческими орнаментами показывают, что изготовление керамики на гончарном круге было в ходу. Несколько дальше ушли кельтiberские племена по сю сторону рек Халона и Хилоки. Они имели более развитую оружейную промышленность, что между прочим говорит и об их воинственном характере и беспрестанной борьбе их как между собой, так и в особенности против чужеземцев. Эти данные о материальной культуре кельтiberских племен также подводят историка к некоторым выводам о социальной организации или о социальной ступени в развитии кельтберов. На этом ниже придется остановиться специально.

В какой мере культурный уровень племен древней Испании был неодинаковым, показывает характер жизни древних племен, обитавших на периферии полуострова. Сюда относятся, главным образом, горные племена астуриков, галлаиков, кантабров—на северо-западе и лузитанов—на западе полуострова. Следующими примитивными чертами жизни характеризует Страбон эти племена³. «Все горцы,—говорит он,—отличаются простотой жизни, пьют воду, спят на голой земле и, подобно женщинам, носят очень длинные волосы». «Живущие в глубине страны заменяют употребление денег меною, или же дают за товар отрубленную серебряную пластину».

¹ «Вторгнувшись в Карпетанию, очень плодородную область, Вириат без жалости опустошал ее». «Вириат, проходя по всей стране, требовал у владельцев определенного налога злаками и от кого не получал, поля тех уничтожал» (Iberica, 64).

² «Территория кельтберов изобиловала различными металлами. Здесь находились серебряные рудники, известные в древности не менее, чем знаменитые рудники Сиерры-Морены. Золото добывалось в реках Дуэро (Дуриуса) и Ялоне (см. Mart., IV, 55; Sil. Ital., I, 231). Не в малом количестве добывалось железо, которое разрабатывалось у горы Caius (ныне гора Монсаю). Обработка металла производилась в Бильбилисе и Турнасе. Эти города находились у подножия упомянутой горы (Mart., I, 49).

Кельтiberские богатства металлами являлись предметом вожделений со стороны римлян на протяжении долгого времени. Аппиан (Iberica, 48—79) сообщает нам о большом количестве вывозившегося металла (золота, серебра и др.) в результате походов римских полководцев.

³ Strabo, III, 3, 3 (о лузитанах), III, 3, 5 (об кантабрах-артабрах) и далее III, 3, 6—8.

«В течение двух частей года они питаются одними дубовыми жолудями, из которых готовят себе хлеб, высушив их и размолов»... «Козье мясо они любят больше всего». Есть и «другие особенности, быть может, не доказывающие цивилизацию, но по крайней мере не зверские: так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев, женщине здесь предоставлена некоторая власть» (S t r., III, 4, 18). «Таков образ жизни горцев, я разумею тех, которые занимают северную границу Иберии—галлаикув, астуриков и кантабров, живущих до пределов васконов и гор Пиренейских; образ жизни всех этих народов одинаков». Страбон имеет в виду здесь и другие мелкие племена, которые он далеко не все называет, ибо «никому не будет приятно слышать название плеватров, бардиетов, аллотригов и другие их имена, еще более скверно звучащие и непонятные» (S t r., III, 3, 7).

Таковы в грубых чертах различия в социальных и культурных условиях жизни испанских племен; сами древние уже вносили определенные различия в описание племен, строя их жизни и общих условий их развития. Эта картина различий в уровне культуры могла бы быть еще более подчеркнута, если бы мы сослались на обитателей Балеарских островов, живших в первобытных условиях пещерных жилищ, матриархата, презрения к металлам и т. п. (D i o d., V, 17).

При всем этом различии в культурном уровне, древние иберы и иберизовавшиеся племена имели и некоторые общие черты народного характера, который складывался у них как в борьбе между собой, так и в особенности в борьбе с вторгавшимися в пределы Испании чужеземцами.

Так, в первую голову необходимо отметить фанатизм и упорство этих племен, проявленные ими при ведении войн, защите городов и в критические моменты их столкновений с врагами. У многих авторов¹, от Горация до Сидония Аполлинария, отмечается *ferocitas* или *feritas* (дикость или суровость) древних иберов. П л и н и й С т а р ш и й (NH, XXXVII, 203) подчеркивает *vehementia cordis* (гнев сердца), а С т р а б о н (III, 3, 8; III, 4, 13; III, 4, 18) τὸ ἀγρωδές (дикость). Об этих чертах фанатизма и дикости прекрасно сказано у А п п и а н а при изложении последних дней Нуманции (Iberica, 97, 74). Черты фанатизма и ненависть ко всему чужеземному² общи почти всем иберийским племенам и особенно выражены были в борьбе за свою самобытность и независимость с римлянами на протяжении столетий. В то время как юг и юговосточное побережье полуострова поддавались в какой-то степени воздействию римской цивилизации, племена северо-запада и в римское время продолжали сохранять старые черты фанатизма, ненависти ко всему чужеземному. Эта упорная борьба за самобытность, нравы и обычаи своих общин, ревнивая охрана сложившихся традиций отражали у иберов линию своего собственного исторического развития, которая противостояла римской культуре, пытавшейся оборвать этот процесс, воздействовать на иберов и цивилизовать их. Отсюда проистекало и мужество иберов, терпение и презрение к жизни. Эти черты лучше всего проявились в защите ими Сагунта и Нуманции³, когда героические защитники предпочитали кончать жизнь самоубийством, не желая сдаваться в плен или отдавать свое оружие врагу⁴. Юстин и

¹ Horat., Carm., IV, 5, 28; Val. Maxim., III, 2, 7; Mart., X, 73; Lucan., II, 549; Oros., VI, 21; Sid. Apol., IX, 13, 116.

² См. Strabo, III, 4, 13; Dio d., V, 18, 2; App., Iberica, 74, Iustin., XLIV, 2, 4; Tacit., Annal., IV, 45.

³ См. об этом App., Iberica, I, 2, 97; Liv., XXVIII, 22; epit., 57; Val. Maxim., III, 2, 7; Seneca, De ira, I, 11; Flor., II, 33.

⁴ Strabo, III; App., Iberica, 74—77; Liv., XXXIV, 17; Iustin., XLIV, 2; Sil. Ital., III, 330.

Тацит передают наиболее характерные черты мужественного поведения иберов на пытке, когда последние предпочли смерть на кресте под собственные песни выдаче тайны, что могло бы им сохранить жизнь. Иберский воин всегда носил при себе яд, чтобы избежать плена. «*Prodiga gens animi et prope facillima mortem*», — пишет по этому поводу С и л и й И т а л и к¹.

Наконец, древние иберы среди других народов древности прославились и теми благородными чертами своего характера, которые ставят их в ряд воспетых Гомером персонажей Троянской эпопеи. Великодушные, благодарные и верность всюду сопровождали ибера². Так иберы перенесли благодарность Тиберию Гракху за то, что он дал им выгодный мир, на его сыновей (P l u t., Tib. Gracch., 5), а благодарность к Эмилию Павлу — на его приемного сына Сципиона (A p p., Iberica, 54). Данное слово с клятвой или слово, скрепленное договором, исполнялось благородно и до конца, несмотря на неблагоприятные иногда условия или изменившуюся ситуацию. По этому вопросу В а л е р и й М а к с и м ввел в свое историческое повествование термин *fides celtiberica* (II, 6, 11), и это не было случайным понятием. Сагунт за свою верность Риму получает прозвище *fide nobilis* (S a l l., Hist., II, 64; M e l a, II, 92; P l i n., III, 20). Все эти черты гостеприимства (D i o d., V, 34), благодарности и верности не раз использовались римлянами в коварных и вероломных целях³. Такие особенности народного характера создавались в самобытных условиях общественного развития древних иберов. Каковы были эти условия, как конкретно проявлен был этот характер иберов в жизни, их собственном быту, каковы имена иберийских героев и насколько выразительна эта героика, — обо всем этом мы знаем из прозаических записей греко-римских писателей, которые далеко не были воодушевляемы доблестями героев испанских племен, поэтому не стремились опозитизировать эту героику, подобно тому, как это сделал Гомер в своих бессмертных произведениях, увековечивших героев Троянской войны.

Однако не будет неосторожным сравнение строя жизни древних иберов VI—III вв. и греков гомеровской эпохи. Уровень материальной культуры был приблизительно один и тот же, даже, быть может, у иберов он был выше, чем у некоторых греческих племен, участвовавших в походе под Троию. Так, например, разработка металлических руд — золота, серебра, меди и даже железа стояла на более высокой ступени. И, наоборот, в другом отношении отдельные, как, например, горные, племена находились на уровне более низком, о чем свидетельствуют остатки примитивных брачных отношений, значительная роль женщин и т. п.

Хозяйство, ремесло, быт членов рода или общины и племени в целом напоминают картину именно гомеровского общества. Изготовление великолезного оружия мы находим и в Турдетании и особенно у кельтиберов, меч которых позднее в римскую эпоху был заимствован в Италии. Ткацкое ремесло не представлено у иберов картинами Пенелопы у ткацкого станка или работой невольниц в доме Одиссея, но оно было; в прозаических записях проскользнули о нем сведения, и, очевидно, это ремесло находилось не на низкой ступени развития. На основании сообщений Эфора Н и к о л а й Д а м а с к и н⁴ рисует картину того, как решали суды, какие женщины изготовили лучшую ткань. Полотняные кафтаны были в большом, повидимому, ходу, если иберы, служившие в ганнибаловом войске, все носили такие кафтаны. На юго-востоке культура льна занимала не последнее

¹ Sil. Ital., I, 225. См. также Iust., XLIV, 2, 1.

² Об этом прекрасные примеры приводят древние писатели: Val. Maxim., III, 2, 24; IV, 3, 1; V, 1, 5; Liv., XXVI, 50; Polyb., X, 19; Plut., Tib. Gracch., 5; App., Iberica, 54; Front., IV, 5, 22.

³ См. об этом подробно A. Schulten, Hispania, RE, VIII, 2027.

⁴ Nicol. Damaskin, fr. 102.

место. Население прибрежных областей изготовляло пестрые, многоцветные ткани, что было отмечено Афинеем и Филархом¹. Несколько иная, правда, была картина на плоскогорье и в горных районах. Но мы уже видели там разведение овец, дававших богатую шерсть, не уступавшую по качеству колхидской. Именно из этой шерсти изготовляли знаменитые кельтиберийские плащи (*sagum*), которые также заимствовались римлянами. Жители древней Испании носили особые костюмы, что придавало их одежде национальный характер. Одежда в горных местностях была преимущественно черного цвета, и только женщины носили цветные ткани. Тело горцы покрывали туникой, частью полосатой, частью однотонной. Голову покрывали войлочной шапкой, и только лузитанцы носили длинные непокрытые волосы². Не менее значительное место, чем это было у гомеровских греков, в хозяйстве иберов занимало керамическое производство. Известно, например, что нумантийцы, как это хорошо показали раскопки, изготовляли не только вазы или различные фигурки из глины, но также и керамические трубы³.

Ту же мысль об особенностях иберийских племен можно провести, пользуясь данными о быте иберов, их домашнем устройстве. Рассматривая древнеиберские предметы быта, мы как бы вводимся в мир раннегреческих древностей, представляемый, однако, в менее красочном антураже, без поэзии, без отпечатка их на сосудах, без мифологических прикрас, которые так оживляют описание памятников быта у древних греков.

Дома у иберов были различной формы. На юговосточном побережье они были прямоугольной формы, как это показывают остатки городов в провинции Альбасете, Puig Castellar под Барселоной или остатки жилищ Calaceite у Теруэля. Несколько иную форму имели жилища у нумантийцев. Это были продолговатые дома длиной в 11 м, шириной в 2—3 м. Делались они из кирпича на каменном цоколе, внутренность их делилась на три комнаты. Как правило, передняя имела погреб, который служил и для жилья, в особенности для прядения, в средней был очаг, задняя служила спальней. Это, конечно, не дворец греческого басилея, но зато это было не единичное явление, какими безусловно являлись воспетые Гомером дворцы греческих вождей у лузитанцев мы встречаем главным образом круглые хижины из плетня или глины на каменном цоколе, столь выразительно описанные еще Мартином Сарменто при изучении ситаний Sabroso и Briteiros⁴. Приводимая у Мелиды фототипия ниш дома из ситаний Sabroso показывает на спиральный и веревочный орнамент украшений в отделке этих ниш, напоминающих некоторыми деталями критские украшения.

Иберы употребляли в пищу те же самые яства, что и гомеровские греки. Мучная пища была во всем употреблении, мясо главным образом у горных племен. Однако до самого римского времени сохранилось еще пита-

¹ Athen., 523, 13; Phylarch, frg. 13. Следует отметить, что для воинов изготовлялась также цветная (красная) ткань, из которой и были изготовлены кафтаны для иберийских солдат карфагенской армии Ганнибала. См. Polyb., III, 144; Liv., XXII, 46.

² Diodor., V, 33; Strabo, III, 3, 7. Страбон говорит, что лузитанцы изготовляли также полотняные панцири (III, 3, 6). На рельефе из Осуны туника полосатого цвета. В этой связи см. Arr., Iberica, 48, 67; Strabo, III, 3, 6; Mart., X, 67, 7.

³ См. A. Schulten, Hispania, RE, VIII, 2021; его же Numantia, II—IV (результаты археологических раскопок).

⁴ См. Melida, Arqueologia Española, 76—77 (там же воспроизведение памятников).

ние жолудями (P l i n., NH, XVI, 15; S t r., III, 3, 7). На юговосточном побережье в ходу было растительное масло, тогда как у племен плоскогорья—животное (S t r., III, 3, 7).

Иберы умели готовить различные напитки. Д и о д о р (V, 34) сообщает нам об употреблении вина и медового напитка у по соседним иберов. С т р а б о н же (III, 3, 7; O r o s., V, 7, 13) говорит о пиве (ξύδος), которое употреблялось у горных племен Испании. Картина пиршеств. общественных трапез, при которых все размещаются «на скамейках, вдоль стен, по возрасту и достоинству», народные гулянья, когда «под звуки флейт и труб танцуют» (S t r., III, 3, 7), наконец, организация гимнастических состязаний «в тяжелом вооружении на лошадях, в кулачном бою, в беге, в борьбе и в сражении отрядами»—все это живо воскрешает в нашем представлении жизнь и быт раннегреческих общин. При этом следует заметить, что эти характерные моменты Страбон отмечает для горцев, далеких от культурных юговосточных центров античной Испании. С другой стороны, при описании лузитанцев сквозят те же самые черты, которые С т р а б о н отмечает как «лаконский образ жизни» (III, 3, 6). Лузитанцы «дважды натирают себя маслом, ходят в бани, нагреваются раскаленными камнями, моются в холодных водах, едят один раз в день, их пища простая и здоровая». Фигуры их стройны и красивы.

Иберские монеты представляют часто головы с курчавыми волосами; таково изображение охотника на одной иберской вазе с побережья¹. Это вполне совпадает с литературными описаниями типа иберов². Женщины также в описании греко-римских писателей совпадают с их изображениями в древнеиберийском искусстве. Они носят черное покрывало, прообраз мантии (S t r., III, 4, 17), ожерелье (S t r., III, 4, 17) на шее, головные украшения «наподобие круглого тимпана» (S t r., II, 4, 17). И это поразительно совпадает с некоторыми деталями иберийских и кельтиберийских скульптур (раскопки Cerro de los Santos, раскопки Серальбо у кельтиберов).

Мы очень мало, к сожалению, знаем об идеологических представлениях древних иберов, чтобы позволить себе провести хоть какие-нибудь параллели с греческим пантеоном богов. Сохраняя своеобразие во всем, иберы однако, в своих религиозных представлениях были безусловно в общем близки к уровню религиозного мышления архаических греков.

Иберская религия носила характер культа природы и ее стихий³. Общим у иберов, кельтиберов и турдетанов был культ луны; на северо-западе во время полнолуния исполнялись обрядовые пляски за городом. Турдетаны почитали луну как «Светило ночи»⁴ или как «Светоносную богиню»⁵. Найденные в Испании надписи также подчеркивают этот культ⁶. Так, из одной надписи мы узнаем, что в Лузитании на мысе Рока (Roca) распространен был культ солища и луны (CIL, II, № 258—259); это говорит

¹ См. это изображение в «Bull. Hispan.», 1911, Tab. I. Собрание монет см. A. Vives, Moneda Hispanica.

² См., например, T а с и т., Agricola, 11.

³ М е л и д а (ук. соч., 156—157) подчеркивает натуралистический характер религии и идет в этой характеристике на прямое сопоставление религии иберов с карфагенской и греческой. «Религиозная практика и религиозные верования тех и других не были чужды друг другу в целом ряде случаев». Однако автор не объясняет сходства этих религиозных верований.

⁴ См. A v i e n, Ora maritima, 429—430 (Noctilucæ alincolis sacrata pridem, FNA, I, стр. 70).

⁵ S t r., III, 1, 9. Ш у л ь т е н (Hispania, 2023) подчеркивает почитание Φάσφρος, которая у местных жителей называлась еще «Луцемдублей».

⁶ См. ссылки на эти надписи у A. Schulten (Hispania, 2023).

о широте распространения лунного культа по всей почти Испании. Вполне возможно, что культ луны пришел вместе с ранними потоками населения из Африки, ибо известно, что в религии родственного иберам племени берберов этот культ также занимал большое место. У турдетанов, кроме культа луны, прослеживается и культ солнца, бога Нетона, о чем мы узнаем как из надписей (CIL, II, № 365, 5278), так и из литературных свидетельств (M a s t o b., I, 19, 15). Насколько распространен был культ небесных светил даже в римскую эпоху, свидетельствуют изображения солнца и других светил на монетах южной Испании¹, где вообще натуралистический характер религии прослеживается отчетливее.

Вера в бога неба, или божество, подобное греческому Зевсу, порождала у кельтиберов, вакцеев обычай выставлять мертвых на растерзание коршунам, дабы последние смогли души умерших снести на небо, к Зевсу². О культах Зевса-Юпитера свидетельствуют и римские надписи (CIL, II, № 2525, 2695, 5809). У иберов были, однако, не только главные божества, но и мелкие местные божества, олицетворявшие различные явления природы и напоминающие нам греческих дриад и нимф или римских гениев и ларов. Следующими словами старого испанского археолога Хозе Мелиды можно было бы кратко охарактеризовать культы древних иберов: «Религиозные верования туземцев удержались вплоть до римского владычества. Местными божествами являются в Лузитании Эндовелих, бог лечения и гор; Атекина—богиня земли—производительница, отождествляемая с греческой Прозерпиной; Нетон—бог войны, местная форма римского Марса; этому богу племена долины Тахо (Tagus) приносили в жертву, согласно Страбону, лошадей и пленников. В Лузитании имеются также свидетельства о культе ларов, гениев, нимф. Поклонялись также богине, отождествляемой с Венерой. Культ Геракла должен был как-то натурализоваться в Испании, поскольку изображение греческого героя появляется на бронзе и на иберских монетах, чеканенных перед началом римского владычества»³.

Иберская религия содержала в себе, кроме астральных, также и аграрные культы. В системе аграрных культов древних иберов последнее место занимало почитание богини земли (Атекина) и культ быка-производителя. Испания изобилует изображениями быка, скульптурными и на рисунках. Легенда о священных быках Гериона получила распространение на плоскогорье и в горных районах. Во всяком случае о живучести этого культа быка можно судить даже по сообщению Д и о д о р а (IV, 18), что еще в его время быки Гериона чтились иберами в качестве священных животных.

Мы не ставим своей задачей обозреть все детали религиозного мышления иберов и исследовать их в сравнительно-историческом плане. Сказанного вполне достаточно для вывода о том, что иберы стояли на пороге формирования своего пантеона богов, что культ некоторых божеств позволяет провести параллель с религией архаических греков и что уровень религиозного мышления иберов является во многом общим с тем, что мы знаем из гомеровских песен⁴.

Не только общий уровень материальной культуры и характер идеологических представлений иберов вызывает у нас само собой сравнение

¹ Vives, Moneda Hispanica; Delgado, Nueva Metodo, I, таб. V, 49, 59.

² Aelian, Hist. an., X, 22; также Sil. Ital. III, 340; Mart, I, 49, 5. Греческие и римские авторы, как обычно, дают варварским богам греческие и римские имена.

³ M é l i d a, ук. соч., 157.

⁴ О почитании мелких божеств у иберов (дриад, гениев, ларов) см. кратко у Ш у л ь т е н а (Hispania, 2024).

с жизнью древних греков эпохи базилиевсов. Социальные институты, внутриобщинные отношения, характер племенной организации иберийских народов во всех почти областях Испании, кроме разве отдаленных округов на севере и северо-западе,—все это позволяет нам характеризовать общественный строй иберов как «военную демократию»—термин, принятый Марксом и Энгельсом и метко схватывающий ту ступень социального развития людей, которая раскрывает нам историческую эпоху распада родового строя, вступления общества на порог цивилизации и формирования своей государственности.

Если мы обратимся к изучению социальных институтов у древних иберов, то перед нами будет вырисовываться следующая картина, которая сохраняет свое своеобразие и отличается от того, что наблюдается у греков героического периода. Прежде всего необходимо отметить наличие племенных союзов с центром в какой-то одной общине, которая становится в данном племени главной и является его материальной и военной опорой в борьбе с врагами. Маркс указал¹, что подобные военные союзы племен могут складываться либо по родам, либо по территориям². Не приходится говорить, что подобная племенная организация населения Испании в доримскую эпоху, будь то по «родам, либо по территориям», предполагала уже наличие дифференциации среди общин, поскольку известно, что «племенной строй сам по себе ведет к делению на высшие и низшие роды³. О выделившихся общинах испанских племен, об их руководящем положении в системе племенной организации или союза мы хорошо знаем из текстов греко-римских авторов, а также из монет и надписей. Таких общин, существовавших и как военная организация около укрепленных поселений (типа *castellum*, *turris*, или бургов), было не мало, и сами писатели древности спорили, что называть государством-городом, городом или просто укрепленным местом, деревней. «Посидоний смеется,—говорит Страбон,—над заявлением Полибия, будто Тиберий Гракх разрушил 300 городов-государств (*πόλεις*) в Кельтиберии, и говорит, что Полибий хотел польстить Гракху, называя сторожевые башни так же, как это бывает в триумфальных шествиях» (Str., III, 4, 13). Характерно также другое свидетельство Страбона о трудностях, стоявших перед древним писателем в отношении определения количества иберийских руководящих общин среди различных племен Испании. «Когда писатели утверждают, что иберийских городов было более тысячи, то мне,—пишет Страбон,—кажется, что они впадают в ошибку, принимая большие деревни за города» (ib.). Подобная неясность не может, однако, служить основанием для деления испанских городов на «мелкие политические общины» и так называемые «народные бурги» типа Нуманции, Терманции и др., как это делает А. Шульцен⁴. Племенной строй допускает высшие

¹ Энгельс в своем произведении «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (см. изд. 1937 г., Партиздат) цитирует Маркса: «выражение *basileia*, которое греческие писатели употребляли для обозначения гомеровского так называемого царства (потому что его главный отличительный признак—военное предводительство), наряду с советом и народным собранием означает только «военную демократию» (стр. 139). «Так же как и у греков в героическую эпоху, у римлян во время так называемых царей была военная демократия» (там же, стр. 168). В последнем случае выражение показательно в том отношении, что Энгельс уже принимает выражение «военная демократия» как *terminus technicus* для определения стадии общественного развития древних народов. Этот термин употребляется Энгельсом и в приращении к строю древних германцев (стр. 146). См. также К. Маркс, Конспект на книгу Л. Моргана, Архив Маркса и Энгельса, т. XI, стр. 145.

² К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, «Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 156. Подчеркнуто в тексте.

³ Там же, стр. 153—134.

⁴ См. статью «Hispania», 2021.

и низшие роды, высшие и низшие общины. В период распада первобытно-общинных отношений процесс общественного развития слишком динамичен, чтобы подходить к нему с готовыми мерками городов, деревень или бургов больших и малых. Они, повидимому, только начинают возникать, складываться, проявлять себя в борьбе друг с другом или чужеземцами, и по мере этого они фиксировались в понятиях у греко-римских писателей. Отсюда и некоторая сбивчивость сведений о количестве общин или укрепленных поселений на полуострове. Так, по одним сведениям (GGM, II, 226) их было тысяча, а на трофее Помпея значилось, что он от Альп до Столпов Геракла покорил 876 городов (P l i n., NH, III, 27). Плиний дифференцировал общее количество испанских общин по провинциям. Так, в Бетике он насчитывал 175 общин, в Таррагоне 179 и в Лузитании 46. В это количество не вошли мелкие укрепления, высоты и башни типа *castellum*, *turris* и т. п. Формирование общин вокруг укрепленных городов, несомненно, отражало собой значение войны, военных столкновений в жизни этих общин, борьбы их за свои земли, стада и появившиеся общинные и индивидуальные богатства. Неудивительно поэтому, что в военных столкновениях города выступают самостоятельно. Столь же самостоятельно они выступают в чеканке монеты или в надписях¹. Всякое укрепленное поселение типа ситаний античные писатели называли городом.

Что собой представляли иберийские города? На этот вопрос частично отвечают остатки древнейших поселений. Здесь будет совершенно достаточно сказать, что иберские города были сильно укреплены. Большие укрепления нам известны в Тарраконе, Героне, Олердоле, в Нуманции и др. Греческое влияние в строительстве укреплений иберов ныне не подлежит сомнению. Это главным образом стенные сооружения из обтесанного камня, иногда они снабжены башнями и воротами, как в Тарраконе. В Нуманции, однако, стенные сооружения сделаны из кирпичей и стоят на цоколе из грубого камня. Искусные укрепления имеет *citania de Briteiros* в Лузитании. Нуманция, Каласейте, Пунг Кастельяр имеют вокруг верхнего города пригороды, расположенные на склонах-террасах. Из городов-укреплений Нуманция поражает своей правильной планировкой улиц, из которых две большие и 10 поперечных пересекались под прямым углом. Близкую к этому картину наблюдаем мы в Пуиг Кастельяр и Каласейте. Даже в далекой Лузитании в упомянутом *Citania de Briteiros* планировка улиц довольно правильная.

Больше всего мы имеем данных о крупных центрах населения кельтиберийских племен. Кроме Нуманции, П л и н и й (NH, III, 27) называет Сегонтию, Укзаму, Терманцию и Клунию, Аппиан²—Луцию, Малию, Оцилис, Сегеду, Л и в и й (XV, 33)—Контребию, М а р ц и а л (I, 49)—Бильбилис. Названия этих городов встречаются и у других авторов, что свидетельствует о том, что эти города были известными и крупными центрами античной Испании. Вокруг этих городов существовали объединения кельтиберских и иберских общин, которые использовали эти города и как политические центры, и как укрытия в случае военной опасности. Так, известно из сообщений А п п и а н а (II, 43—44), что Контребия, центр племени лузонов, явилась в 181 г. укрытием кельтиберов, потерпевших поражение от Гракха. Аппиан далее свидетельствует, что таким же укреплением у племени беллов был город Сегеда (там же), который имел целое кольцо укреплений в окружности 40 стадий. Строились такие города-укрепления в местах мало доступных, окруженных горами, как Нуманция, к которой

¹ A. Schulten, Hispania, 2021.

² A p p., Iberica, 94 (Lucia); 77 (Malia); 48 (Оцилис).

доступ был только со стороны Дуэро (Дуриус), или в местах скалистых, как, например, Сегонтия, Уксама, Бильбилис, где их окружали укрепления, созданные самой природой. Такие укрепленные города древнеиспанского населения создавали немалые затруднения для римлян во временах завоевательной политики на полуострове. Вокруг таких центров объединялись нередко и различные племена, союз которых был представлен, таким образом, определенным городом. Одна иберийская надпись, тщательно исследованная Шультеном¹, свидетельствует о существовании союза десяти кельтиберийских общин во главе с городом Ареграда. Аппиан говорит (Iberica, 44) также и о союзах городов в целях координации своих усилий в борьбе с римлянами. Так, Сегеда объединялась с Нуманцией в 153 г., а также Нуманция с Малией и Луцией (A p p., Ib., 77, 94). Во всех вышеназванных союзах этой части Испании фигурирует Нуманция, что указывает на первенство этого города во всех союзах и значение его в борьбе с римской оккупацией.

Древние авторы называют, кроме того, и менее значительные укрепленные пункты или поселения иберских и кельтиберских племен. Так, например, С т р а б о н (III, 4, 13) у одних только кельтиберов называет не менее 300 мелких городов-общин. Следует особо отметить, что подобная организация иберских общин вокруг укрепленных пунктов отражала общее положение в развитии иберских племен. Дело в том, что в связи с распадом первобытнородовых отношений создавались условия для столкновения образовавшихся общин между собой. «... Численность населения возрастала вместе с ростом стад, расширением земледелия и появлением ремесла; вместе с тем росли имущественные различия, а с ними и аристократический элемент внутри древней первобытной демократии»². Этот процесс распада старых первобытнородовых отношений и образования общин наподобие греческих демов вызывает не только внутренние столкновения на почве имущественного неравенства, но часто и столкновения самих общин между собой. И это исторически было совершенно неизбежным. Сельская община, будучи собственницей земли и стад скота, в своей эволюции наталкивалась на препятствия, заключавшиеся в наличии таких общин. Как остроумно замечено было Марксом, создавалось такое положение в развитии общин, что они «либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в захваченных ею землях»³. «Поэтому война,—говорит далее Маркс,—является той важной общей задачей, той большой общей работой, которая требуется либо для того, чтобы захватить объективные условия существования, либо для того, чтобы захват этот охранить и увековечить. Вот почему состоящая из семей община на первых порах организована по-военному, как военная и войсковая организация, и такая организация является одним из условий ее существования в качестве собственницы»⁴. Это положение целиком может быть отнесено не только к греческим демам и римским общинам, но и к иберским общинам. Ливий, Страбон, Аппиан приводят немало фактов внутренней борьбы между испанскими племенами, процветавшей среди них системы грабежа, внезапных нападений, захватов и опустошений. Так, для 195 г. Л и в и й (XXXIV, 20) говорит, как сравнительно небольшое племя лацетан на востоке у склонов Пиренеев напало на жившее по соседству племя авзетанов. Еще раньше в этом районе происходила внутренняя борьба между илергетами и лацетанами, с одной стороны, и свесетанами

¹ A. Schulten, Ein keltiberischer Städtebund, «Hermes», Bd. 50, 1915.

² Энгельс, «Происхождение семьи ...», указ. изд., стр. 136.

³ К. Маркс, «Формы, предшествующие капиталистическому производству. Пролетарская революция», 1939, № 3, стр. 153.

⁴ Ibidem, 153.

и седетанами—с другой. Так, в 205 г. под руководством илергетских вождей было совершено нападение на свесетанов и седетанов (L i v., XXVIII, 24). Наиболее сгущаются краски у древних писателей, когда последние описывают грабежи лузитанских и кантабрийских племен. Так, по мнению С т р а б о н а (III, 3, 5) лузитаны всю свою жизнь проводили в грабежах и непрерывных мелких войнах с соседями. И целью этих непрерывных нападений является захват добычи. «Вместо того, чтобы обрабатывать землю, они стали вести войны. Вся страна, таким образом, оставаясь без ухода и лишенная собственных продуктов, заселялась только разбойниками» (S t r., III, 3, 5). Аппиан¹ приводит два случая нападения лузитанцев на соседние иберские племена с целью захвата добычи. Военственное племя лузитанцев своими набегами беспокоило даже богатую Турдетанию, хотя она не была столь близка для совершения нападений. Л и в и й (XXXV, 1) говорит, что в 194 г. лузитанцам удалось проникнуть в Турдетанию и возвратиться обратно с огромной и богатой добычей. В числе этой добычи было немалое количество уведенного скота.

Мы привели лишь некоторые примеры внутренних столкновений среди испанских племен. Количество их несравненно больше, и здесь не место все их перечислять. Приведенных примеров будет вполне достаточно для доказательства той простой, хотя до сих пор еще недостаточно доказанной мысли, что иберские племена для данной эпохи (до периода колонизации карфагенян, греков и римских завоеваний) уже не представляли собой аморфной, первобытнородовой массы с эпическим тоном своей жизни. Иберские племена уже пришли в движение, распались на общины, образовывали города, накапливали богатства и таким образом подготавливали скачок на новую ступень, к цивилизации. Энгельс указывал, что в тех исторических условиях переход к новой прогрессивной ступени развития совершался варварски, путем порабощения пленных, применения системы рабовладельческой эксплуатации и ведения постоянных грабительских войн с целью захвата богатств, имущества, земель, скота и хлеба. Не только греки и римляне, но, как мы выше убедились, и иберы также не представляли исключения в этом развитии, хотя последнее, конечно, совершалось в конкретных условиях, было полно своеобразных форм и специфичности. Путь иберов был более трудным и медлительным.

Следует ли особо подчеркивать здесь военный характер организации иберийских (и кельтиберийских) племен, а также значение войны в хозяйственных и социальных условиях их жизни?² «Военное дело,—как это заметил А. Шульцен,—является самой яркой чертой иберского народа, также его способность к военному делу и фанатизм в защите своей страны»³. Это действительно так. И отсталые племена лузитанов и кантабров и культурные—турдетанов и бастетанов одинаково сумели это показать и доказать. Именно эти черты пробуждавшихся к культуре, к борьбе за самостоятельность и независимость своего развития иберийских племен заставили немало «поработать» как карфагенян, так и римлян. Вступавшие на порог

¹ А р р., Iberica, 56. Лузитанский вождь, по имени Цезарь, разгромил римского полководца Муммия и сохранил всю ранее приобретенную в грабежах добычу. *καὶ τὴν τε Λίβυ τὴν ἤρκασιμένην καὶ τὸ σικεῖον στρατόπεδον ἀνεσώατο* (56, 20—23). Другое сообщение о награбленной лузитанами добыче, которую Муммию удалось перехватить и разделить среди воинов, см. там же, 57, 15—20.

² О значении войны и «военного производства» в условиях древности см. А. В. Мишулина, Проблема воспроизводства в античной общественной формации, ГАИМК, 1932, также статью-предисловие А. В. Мишулина к изданию греческих полиоркетинов в «Вестнике древней истории», 1940, № 3—4,

³ См. статью Hispania, 2014.

своей государственности эти племена встали мощной стеной против вступивших на Иберийский полуостров чужеземцев и свои военные способности иберы лучше всего показали тем долгим сроком, в течение которого сопротивлялись они римлянам от Сципионов до Августа. В то время как Цезарь подчинил себе всю Галлию в десять лет, покорение Испании римлянами длилось двести лет (с 218 г. до 18 г. до н. э.).

Условия военной демократии создали у иберских племен военные способности, сплоченную организацию, выносливость, тактику «малой» или партизанской войны, которой они прославились не менее, чем древние скифы¹. «Знаменитая мужами и оружием» (*Viris armisque nobilem*) (F 1 o r., I, 22, 38)—столь краткой фразой, словно точной формулой, дал Флор характеристику Испании в древности.

Типичным оружием иберов были два копья, кинжал или короткий меч, маленький щит, которые были весьма портативны. Это являлось весьма важным моментом в маневренной войне.

Образец знаменитого испанского меча (*gladius Hispaniensis*) был найден на месте древнего кельтского города Терманции², и такой меч был принадлежностью каждого воина тяжеловооруженной пехоты. Почти все иберийские (и кельтиберийские) племена вооружены были подобным мечом (*D i o d., V, 34*). Не менее знаменитыми считались у испанцев кривые мечи (*falcatus ensis*), о которых сообщают нам древние писатели, и которые, как мы видели, фигурируют в археологических находках. Существовал еще тип коротких испанских кинжалов, которые длиной были в два раза меньше, чем *gladius Hispaniensis*³. Разновидности мечей и кинжалов указывают на достаточно развитое ремесло по изготовлению этого вооружения, а также на достаточно хорошее военное оснащение иберийских воинов.

Столь же различного рода были у иберов и копья. Длинные копья (*falarica*)—как наполовину из железа, наполовину из дерева, так и целиком железные (*soliferrium*—*δολοσίδηρον*)—предназначались для непосредственного поражения врага. Копье в этом случае не выпускалось из рук воина. Другой тип копий—*lancea*—называют Л и в и й (XXV, 34, 14) и Ф р о н т и н (Strateg., II, 1, 3). Это были иберийские метательные копья. А в л Г е л л и й (Noctes Att., 307) говорит, что само название *lancea* слово не латинское, а иберийское (*lanceam quoque dixit non latinum, sed Hispanicum esse*).

Древние писатели дают довольно подробное описание иберийского щита. Щит этот был меньше римского и греческого. На это прямо указывает П о л и б и й (VI, 222), но более подробное описание оставили нам Диодор и Страбон. Так, автор «Географии» сообщает, что иберы вооружены небольшим, фута два в диаметре, щитом, выгнутым вперед и висящим на ремне, так как он не имеет ни поручней, ни рукоятки (S t r., III, 3, 6). «Это—маленький щит, переплетенный весь сухожилиями; щит этот вследствие своей прочности хорошо защищает тело воинов»,—говорит Д и о д о р (D i o d., V, 39) в своем экскурсе об иберийских военных древностях. Страбон рисует нам далее вооружение ибера, которое своими деталями напоминает нам во многом древнего грека. «Большинство носит полотняные панцири, и только немногие имеют кольчуги и треугольные шлемы из железных колец с тремя гребнями, все же прочие носят шлемы из ремней. Пешие носят

¹ См. об этом сопоставлении Str., III, 4, 17 («Все эти нравы общи им (иберам) с народами кельтскими, фракийскими и скифскими; общим свойством всех этих народов является также мужество не только мужчин, но и женщин»).

² A. Schulten, Numantia, I, 211 («Die Waffen»).

³ О кинжалах подобного типа см. D i o d., V, 33; также A p p i a n, Hannibal, 20, где они находятся на вооружении иберов в войсках Ганнибала.

поножи; каждый имеет с собой много дротиков, а некоторые вооружены копьями с медными наконечниками» (S t r., III, 3, 6).

Необычайно славилась у иберов и конница, которая могла бы послужить сюжетом для эпических сказаний не в меньшей степени, чем известные из гомеровских песен эпизоды, в которых фигурируют греческие кони, их красивая сбруя, колесницы и храбрые воины. П о л и б и й (fr. 95), С т р а б о н (III, 4, 15 и 18) и Д и о д о р (V, 33) свидетельствуют об иберийской кавалерии с дрессированными лошадьми. Как говорит С т р а б о н (III, 4, 18), иберийский всадник мог брать себе на лошадь пехотинца, а по П о л и б и ю (fr. 95), иберийский всадник мог сражаться то пехим, то конным. Интересно, что при войнах иберов часто практиковался вызов на поединок, это особенно наблюдалось у племен восточного побережья, а также у кельтиберийских племен на плоскогорье¹. Бой иногда просто начинался таким поединком², а у лузитанов и карпетанов танцами, с которыми эти племена и шли в битву³. Этими танцами иногда справляли также и конец битвы, когда организовывалась тризна по павшим воинам (D i o d., XXXIII, 21a; XXV, 17, 5).

Строй «военной демократии» Энгельс характеризует следующими чертами: «Военачальник, совет, народное собрание образуют органы развивающейся из родового строя военной демократии. Военной потому, что война и организация для войны становятся теперь нормальными функциями народной жизни... Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни упираются уже в цивилизацию. То же самое происходит и внутри общества»⁴. Эту характеристику можно приложить также и к древним иберам. Здесь мы натолкнемся и на власть военачальника, и на функции совета, и на общее собрание воинов.

Как свидетельствуют наши источники и надписи в том числе, иберские племена и городские общины управлялись военачальниками. Последние выступают в источниках под различными названиями. Так, например, П о л и б и й⁵ вождя племени илергетов Индибила называет царем (βασιλεύς); таким же титулом величает Д и о д о р (XXV, 12) того царя иберов, на дочери которого женился Гасдрубал. В другом месте Диодора фигурирует с титулом царя и вождь племени ориссов, сыгравший своим выступлением роковую в судьбе Гамилькара роль. Объединив свое племя и притворно присоединившись с ним к Гамилькару, царь ориссов (ὁ ὀρισσῶν βασιλεύς), выбрав удачный момент, напал на Гамилькара и предрешил его судьбу (D i o d., XXV, 10; FNA, III, 10). Из греческих названий вождей племен, управителей иберийских общин, следует еще упомянуть στρατηγός и δυναστής. В рассказе о борьбе с Гамилькаром Д и о д о р (XXV, 10) упоминает одного из вождей иберских племен Истолатия, который фигурирует в качестве στρατηγός. У Полибия⁶ князь эдетанов Эдако называется δυναστής ('Ἐδακῶνα τῶν Ἐδετανῶν δυναστήν). Латинская терминология для обозначения титулатуры иберийских князей является, естественно, другой. Так, Л и в и й, сообщая о переговорах Гасдрубала в 211 г. с военачальниками кельтиберов, называет последних principes (cum celtiberorum principibus — XXXVII, 25, 9; principi Celtibe-

¹ См. об этом S c h a l t e n (Hispania, 2016).

² См. A p p r i a n, Iberica 53; P o l y b., XXXV, 5; V a l. M a x i m., III, 2, 7.

³ D i o d., V, 39; также L i v., XXIII, 26, 6.; S i l. I t a l., III, 347.

⁴ Энгельс, Происхождение семьи ..., указ. изд., стр. 216—17.

⁵ P o l y b., X, 18, 3. Аппиан также употребляет подобный термин для обозначения иберийских князей: (Iberica, 5); см. также L i v., XXVI, 49—50.

⁶ P o l y b., X, 34. Аппиан δυναστής употребляет и в применении к Индибилу, который фигурирует у Полибия в качестве βασιλεύς—так, например, (Iberica, 37) Ἰνδιβίλις δὲ τῶν σωθεμένων τις ἀστὴρ δυναστῶν. У Полибия—князь.

rorum—XXVI, 50; Celtiberi, qui principes regionis suae miserant legatos—XXII, 21,7), хотя он употребляет название «царьки» (reguli)¹, вождя Индибила называет «regulus» (Индибил. «qui antea Ibergetum regulus fuerat») и другого их вождя Билистага называет подобным же титулом (ab Ibergetum regulo Bilistage). Ливий употреблял также и титул царя (rex). Так, взятого в плен известного вождя иберов Коррибилона Л и в и й называет rex (nobilem regem Corribilonem cepit)². Такое разнообразие номенклатуры говорит за то, что сама власть иберийских князей прочно еще не устоялась, и единый адекватный термин греческим и латинским авторам подобрать было трудно. Иберы, как и греки гомеровского, т. е. переходного от родового строя к государству, периода, имели своих руководителей прежде всего как военачальников, хотя последние, повидимому, имели уже прерогативы не только военной, но и гражданской власти. Это были вожди, одновременно военачальники и судьи. В такой только форме и могли выступать «цари», «царьки», «князья» и «предводители-вожди» в условиях военной демократии. Подобно тому, как Агамемнон выступал не как монарх или верховный царь греков, а как «владыка мужей», т. е. верховный предводитель войска союзных городов и общин, так и иберские «басилеи» и вожди (reguli, reges) были всего лишь вождями племени, военачальниками в военных предприятиях. Недаром все наши источники упоминают этих иберских вождей в связи с военными кампаниями. Нам известны имена многих иберийских вождей или военачальников. Особенно А п п и а н указывает нам на большое количество предводителей иберских племен. Так, он называет Ретогена (Ib., 94), вождя нумантинцев, Литеннона (Ib., 50) у кельтиберов, Каруса (Ib., 45) у общины Сегеда, Амбона и Лейкона у ареваков (Ib., 46), Индибила у илгеретов (Ib., 37. 38), Вириата у лузитанцев, у которых потом после Вириата был Тавтал (Ib., 60—67). А п п и а н называет также и других вождей³, о которых, как и о прежде названных, имеются сведения у многих других авторов, писавших! о древней Испании или о войнах иберов с римлянами⁴.

Вторым важным органом власти у иберов был совет старейшин, что у Энгельса отмечается как весьма важный институт в условиях военной демократии. В наших источниках об этом институте засвидетельствовано достаточное количество различных сведений, как и об его функциях. Л и в и й⁵ говорит о senatores у иберов. Ш у л ь т е н в своей «Нуманции»⁶ остановился на значении «сената» у иберов и считает его функцию в военных условиях весьма важной. Диодор называет у иберов старейшин πρεσβυτεροι (XXXI, 39). Именно с этими старейшинами племени, которые, повидимому, образовывали нечто вроде «совета старейшин» или «сената», римляне вели переговоры по всем вопросам войны и мира. Как было выше уже сказано, Ливий описывает, как по приглашению Катона собраны были все senatores племен, живших у Эбро⁷. Диодор рассказывает, как Πρεσβυτεροι, собравшись на совет в Сегеде в 181 г., избрали из своей среды

¹ Liv., XXXVII, 25, 9 (см. коммент. в ФНА, III, стр. 199); XXII, 21 (ФНА, III, стр. 68); XXXIV, 11 (ФНА, III, стр. 182).

² Liv., XXXV, 22, 5 (см. коммент., ФНА, III, стр. 197). См. тексты и комментарии к встречающимся титулам иберских вождей в ФНА, III, стр. 37, 120, 126, 147, 175, 197, 199, 214.

³ Ibidem, 56 (так, например, Пуник у лузитанцев).

⁴ Сведения этих авторов сконцентрированы в ФНА. К сожалению, в этом издании индексы имен составлены небрежно, и по ним собрать эти сведения представляется иногда невозможным.

⁵ Liv., XXXIV, 17 (senatores omnium civitatum). См. коммент. в ФНА, III, стр. 37, 185.

⁶ A. Schulten, Numantia, I, 229.

⁷ Liv., XXXIV, 17; senatores omnium civitatum ad se vocari iussit.

предводителя для войны с римлянами¹. Следовательно, функции такого совета старейшин являлись прежде всего военными или связанными с организацией племени для войны. При этом совет был связан с народом и должен был выполнять его волю. В Луции был совет старейшин, который выступил, однако, против народа и донес Сципиону о готовившемся наступлении молодежи племени арваков². В Белгедде имелся также совет старейшин, который имел даже особое помещение; этот совет, повидимому, потерял связь с народом, колебался в борьбе с римлянами и за это был уничтожен народом вместе с помещением совета³. Такое поведение совета старейшин было редким явлением, ибо, как правило, эти старейшины являлись пока еще полномочными представителями своей общины или племени. Известно, что, когда римские послы пытались привлечь на свою сторону племя вольцианов (*volcianses*), жившее у подножья Пиренеев, то от имени общины переговоры вели представители племени — старейшины (*maximus natu*)⁴. Также было и у племени лузонов; по сообщению Ливия (XV, 47) уполномоченный народом старейшина выступал перед Гракхом в переговорах по вопросам мира и войны для своего племени (*tum maximus natu ex iis missi sumus, inquit, a gente nostra*). Таковы кратко наши сведения об институте старейшин у иберских племен. Это не были военачальники или вожди племени. Они, очевидно, не представляли собой и судей или представителей гражданской власти. Они существовали наряду с вождями или военачальниками, в выборе которых они сами принимают участие и которым они помогают в качестве первых советников и помощников. Авторитет и полнота власти в иберийской общине имеет прежде всего вождя (*regulus*, *rex*, βασιλεύς), а на следующей ступени по значению находится совет старейшин или просто старейшины. Эти старейшины преданы своему вождю или военачальнику. Они нередко входили в свиту (*soldurii*) своего вождя, давали ему клятву не переживать своего предводителя⁵ и умирали вместе с ним в походе. Все это говорит о том, что в период военной демократии, хотя старые первобытные устои и уходили в прошлое, а общество вступало теперь на порог своей новой общественной организации, в которой в зародыше уже были будущие институты публично-правовой власти или аппарата государственной организации, тем не менее и военачальник, и старейшины и сам народ продолжали оставаться еще тесно друг с другом связанными, а органы власти непротивостояли еще народу. «Когда каждый взрослый мужчина в племени был воином, не существовало еще отделенной от народа общественной власти, которая могла бы быть ему противопоставлена»⁶. В наших источниках нет прямых сведений о народном собрании у иберов. В качестве регулярно действовавшего института такого народного собрания у иберов, возможно, и не было. Но совершенно очевидно, что всякое избрание вождей, военачальников, а также старейшин и послов для переговоров во время войны производилось на собрании всех воинов племени и общин. Так, вольцианы (Liv., XXI, 19, 6) выделили от своего племени старейшин, которые и вели переговоры

¹ Diod., XXXI, 39. О совете старейшин сообщает нам также Appian, Iberica, 94, 100.

² Appian, Iberica, 94; о старейшинах (πρεσβύτατοι) у арваков, см. Appian, Iberica, 52.

³ О сожжении совета и его помещения см. Appian, Iberica, 100.

⁴ Liv., XXI, 19, 6. Шультен утверждает (см. FNA, III, стр. 43—44), что наличие такого *maximus natu* у вольцианов есть доказательство того, что у этого племени господствовали патриархальные порядки; см. его же Numantia, I, 225—255.

⁵ См. об этом Caesar, De bello Gallico, III, 22; Plut., Sert., 14; Cass., Dio, III, 20, 2; см. также Schulten, Hispania, 2016.

⁶ Энгельс. Происхождение семьи..., К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. I, стр. 84.

с римскими послами от имени всех воинов своего племени. О послых кельтиберийских племен к Марцеллу в период войны с кельтиберами и выделенных, естественно, только от имени войска, или войсковой организации этих племен, сообщает нам А п п и а н (Iberica, 50).

Как проводились выборы, когда и кто собирался в народном собрании? Обратимся к тексту «Iberica» Аппиана, чтобы составить себе об этом приблизительную картину. «Когда Нобилиор подошел к Нуманции, — говорит А п п и а н, — ареваки той же ночью должны были собраться в Нуманции, как в их самом сильном городе, и там избрали себе вождами Амбона и Левкона» (Iberica, 46). Из этого сообщения следует, что такое собрание имело место в момент опасности для племени. Во-вторых, центром для такого рода собрания явилась Нуманция, которая была и самым сильным городом — столицей ареваков. Совершенно естественно отсюда вытекает, что на такое собрание в главный город племени в минуту опасности направлялись только воины племени, вооруженные бойцы, готовые с вновь избранными военачальниками во главе выступить против римских оккупантов, захватчиков иберийской земли. Возможно, что не случайно такое собрание воинов происходило именно ночью. Нам известно из истории других народов древности, что собрания воинов или старейшин по вопросам войны и мира нередко происходили именно по ночам.

Подобное же собрание воинов напоминает нам выступление Вириата (A p p., Iberica, 62), который произносил речь среди загнанной Ветилием группы лузитанских войск, оказавшихся в безвыходном положении. Именно на этом-то собрании и был избран Вириат в качестве военачальника. На собрании он произносит зажигательную речь, полную надежд на спасение, за что воины и избирают его вождем. После убийства Вириата в результате такого же собрания воинов смогло осуществиться избрание нового полководца — Тавтала, который явился преемником Вириата (A p p., Iberica, 72). Аппиан сообщает нам и об избрании делегации послов к Сципиону, во главе с Аваром от нумантийцев (Iberica, 95). Все эти свидетельства Аппиана могут быть подкреплены и другими сообщениями античных авторов¹.

Несомненно, сведения, дошедшие до нас об иберском народном собрании, менее полны, чем это мы имеем в отношении греков или римлян. Они не дают нам полной картины, но они позволяют нам все-таки судить о наличии такого института у древних иберов и вместе с тем позволяют уловить и своеобразие этого института в отличие от того, что нам удастся наблюдать у греков и римлян. Главный отличительный момент заключается в том, что у иберов народные собрания — еще не устоявшийся и не регулярно работавший институт, тогда как у греков, а в военной организации римлян в особенности, это было регулярно действовавшее учреждение (центурии). Такое различие, очевидно, объясняется еще недостаточностью как общего социального, так и военного развития у древних иберов. Войсковая организация солдат, командиров и вождей показывает на более низкий уровень иберов, что являлось отражением общего социального развития иберийских племен. Однако формировавшиеся институты «военной демократии» — военачальник, совет старейшин и народное собрание, — свидетельствуют о социальном сдвиге, о происшедшем переломе в политическом развитии иберийских племен задолго до римского завоевания. Это показывают археологические открытия, а также памятники материальной культуры, своеобразие стиля которых говорит о возникновении и формировании новой цивилизации на крайнем западе Средиземноморья². Однако формирование новой

¹ Все тексты по Вириату и лузитанской войне собраны в четвертом томе «Fontes Hispaniae Antiquae», который вышел в 1940 г., но остается нам недоступным.

² См. А. В. Мишулин, Испания в памятниках античности, ВДИ, 1939, № 2,

цивилизации проходило медленно в силу внешнего фактора, выразившегося во вторжениях чужеземцев (финикийцы, карфагеняне, римляне), которые своим вмешательством как бы прерывали слагавшийся на почве самобытного развития путь самостоятельной эволюции иберийской культуры.

Формирование иберийской культуры тормозилось также отсталостью многих, особенно горных, племен. Родовой строй у многих племен был еще в полной силе. Мы можем из свидетельств Страбона установить, что у кантабров в раннюю эпоху сохранялись еще черты матриархата. Женщины обрабатывают сами землю... «часто за работами они моют детей и пеленают, удаляясь к какому-нибудь источнику... После родов они укладывают в постель вместо себя своих мужей и ухаживают за ними»¹. «Подобные случаи,—говорит Страбон,—доказывают, конечно, значительную дикость их нравов. Но другие особенности, быть может не доказывающие цивилизацию, по крайней мере не зверские; так, например, у кантабров существует обычай, по которому мужчины дают брачные дары женщинам, дочери объявляются наследницами и женят братьев; следовательно, женщины здесь предоставлены некоторая власть, что несогласно с гражданственностью» (III, 3, 18). У некоторых племен на полуострове существовали еще человеческие жертвоприношения (Str., III, 3, 6). Вся третья глава иберийской книги Страбона посвящена описанию нравов отсталых иберийских племен. Шультен считает², что соблюдение за трапезой порядка по рангу и возрасту, как об этом свидетельствует Страбон (Str., III, 3, 7), является показателем того, что «жительство рода было всеместным». Диодор (V, 34) сообщает, что у вакцеев господствовала общинная собственность на землю и даже общность потребления. Пашня переделывалась каждый год, а урожай делился поровну между членами общины.

Между племенем и индивидуумом стоял род (gentilitas) или родня. Римская надпись³ звучит так: *gentilitas Desoncorum ex gente Zoelarum*. Связь с родом видна и также из того, что у иберов, особенно у кельтиберов, каждый отдельный человек к своему имени прибавляет и родовое, притом в родительном падеже с окончанием на «*cum*», что видно из надписей⁴. «Что имена на «*cum*»,—говорит Шультен,—обозначали роды или родство, доказывается происхождением их от личных имен. Многократно эти родовые имена являются одновременно и названиями местностей (*Maganicum*, нынешнее *Magán*, около Толедо). Это может указывать, по видимому, на то, что маленькие местечки обитаемы были каждое только одним родом, а большие—несколькими близкими между собой»⁵. Родовые отношения, очевидно, были еще сильными в быту и нравах иберийских общин. Несмотря на то, что род, как господствовавшая ранее форма социальных отношений, уже распался и из рода выделялась аристократия *sae claris illustres* (Liv., XXVIII, 21) в противовес тем «*obscuri homines*», которые напоминают нам гомеровских *μεταύστα*, первобытнородовые рудименты еще продолжали стоять на пути развития иберийской цивилизации значительным препятствием и, в известной мере, даже тормозом.

Социальная борьба внутри иберийских общин озаменовала собой распадение рода. Ливий рисует драматическую картину ожесточенной борьбы за власть над общиной Идес (*Ides*) между двумя претендентами на руководство общиной. Это были те самые выделившиеся из общины *claris*

¹ Strabo, III, 4, 17. О предоставлении полевых работ женщинам см. также 3, 7 и III, 350.

² A. Schulten, *Hispania*, 2023.

³ CIL, II, 2633, цит. по Шультену, *Hispania*, 2022.

⁴ CIL, II, 27, 29 (*Flavinus Comenesiquum Flavi f. Camensis*); CIL, II, 6294 (*Attia Abboicum Rectugeni f. Uxamensis*).

⁵ A. Schulten, *Hispania*, 2022.

illustres, которые и противопоставляются Ливием «незаметным людям» (obscuri homines).

Чтобы подчеркнуть своеобразные индивидуальные особенности развития «военной демократии» на Пиренейском полуострове, следует, однако, заметить, что социальная дифференциация и распад рода в Иберии не проходили в той форме и на том социальном уровне, какой наблюдаем мы в гомеровской Греции или в Риме периода царей. Социальная борьба, которая в Греции и в Риме привела к законодательствам Солона и реформе Сервия Туллия, у иберских народов не достигала значительных масштабов. Именно это обстоятельство и явилось одним из выражений отсталости иберской общины и медленности процесса формирования «военной демократии», а вместе с ней и начатки государственности у иберских племен Испании.

Весьма важным условием медленного изживания первобытных рудиментов в иберской общине являлось отсутствие не только политического, но и этнического единства племен. География Испании также не могла в нужный исторический момент помочь иберским общинам достичь единства. Эта география скорее была против единства племен. Юго-восток и восточное побережье не были связаны с западным побережьем Испании в доримскую эпоху. Побережье было оторвано от горных областей и центра Испании. Племена древней Испании разделялись как бы внутренними перегородками, и это затрудняло их объединение. Племенной партикуляризм в данных условиях социального развития создавал не только этнографическую мозаику, но иногда и внутреннюю борьбу между племенами и общинами на полуострове. Враждебные отношения между племенами, согласно Страбону, являются причиной их незащитности против чужеземного вторжения (III, 4, 5). В ходе долгой борьбы с Римом не могло сложиться единства даже между лузитанами и кельтиберами. А п п и а н (Iberica, 56) считал, что «гордость» лузитанов препятствовала объединению с ними других племен, в частности кельтиберов. В истории античной Испании мы не наблюдаем такого объединения или союза, какой гомеровскому «владыке мужей» Агамемнону удалось организовать для похода под Троию. Однако источники свидетельствуют нам, что в области Турдетании, более развитой в социальном отношении, чем другие районы Испании, создавались политические союзы иберийских племен. Так, например, там существовали долгое время политические федерации турдетанских общин Кармоны во главе с базиливсом Луксинием, союзы турдетанских общин во главе с базиливсом Кулхасом. Именно в Турдетании социальное развитие шло и по линии расслоения внутри общин, возникновения и роста зависимости слабой общины от сильной. Анализ надписи Эмилия Павла от 189 г. до н. э. показывает, что иберийский город Гаста управлялся царем и имел все черты греческого полиса, державшего в своей зависимости общину Ласкутану¹. Рост политических объединений среди иберов наблюдался и позднее. Индибилу² посчастливилось объединить некоторые племена на Эбро, да в поздний период вождю лузитанов—Вирриату, а потом и Серторию (в отношении лузитанов и кельтиберов) удалось добиться успехов в деле объединения хотя и без решительных результатов для борьбы с Римом. В данных исторических условиях иберы древней Испании не смогли подняться до классической формы государственности древних греков. Специфические условия развития иберийского рода наряду с моментами сходства predeterminedелили в сравнении с греческим родом и черты различия. Но иберы уверенно вступали на путь государственности.

¹ См. А. В. Мишулин, К интерпретации надписи Эмилия Павла от 189 г. до н. э., ИАН, ОИФ, т. III, № 4,

² См. об этом у Pol y b., III, 76; Liv., XXVII, 17, 3.

Мы старались выше установить, на каком уровне социального развития находились иберы Пиренейского полуострова. Изучение литературных свидетельств и характер материальной культуры иберов, в особенности в юговосточной части Испании, показывают, что наиболее культурные племена Пиренейского полуострова в VI—III вв. до н. э. находились в условиях «военной демократии» и осуществляли переход к цивилизации. Народы Испании подходили к итогу всего предшествующего развития. У них загоралась заря цивилизации, свет новой иберийской культуры. Литературные источники находятся в этом пункте в полном согласии с памятниками материальной культуры.

Иберийский род, первобытная организация племени уже изживали себя. Иберийская община, возникающая из распада старой племенной первобытной организации, а также племенные союзы или объединения некоторых общин вокруг более значительной, имевшей укрепленный город; наконец, рост этих городов, выделение военных вождей, первоначальных институтов управления общиной—все это свидетельствовало о вступлении иберов в новую полосу социального развития.

Обычно социальная характеристика такой переходной эпохи представляет немало трудностей. Известно, что в свое время «гомеровская эпоха» в истории Греции также являлась камнем преткновения. В исторической науке конца XIX в. и начала XX в. имело место не мало различных теорий. Одна группа ученых¹ (Виоле, Лавеле, Риджвей и др.) признавала в гомеровской Греции общинный строй, наличие сельской общины. Другая (Э. Мейер, Пельман, М. Вебер, Петрушевский)² отрицала сельскую и признавала домашнюю общину, земля которой выступала на правах частной собственности с самых древних времен³. Энгельс нанес сокрушительный удар старым теориям тем, что гомеровскую Грецию он утверждал как переходную эпоху от родовых отношений к государству. Накопление новых качеств в общественном строе этой эпохи, диалектический процесс изменений, зарождение нового строя и возникновение начальной стадии государственности в виде «военной демократии»—таковы основные черты общественных отношений гомеровской эпохи.

На этой стороне вопроса мы могли бы и не останавливаться, если бы в советской исторической литературе не замечалась в этом пункте некоторой вульгаризации. Так, в первой части истории Греции («История древнего мира», т. II, ч. 1, изд. ГАИМК) в главах о гомеровской Греции и крито-микенской эпохе, да и в практике учебной работы в гуманитарных вузах, проводилась мысль, что в период «военной демократии» господствуют родовые отношения и что ни о каких элементах слагавшейся государственности и речи быть не может. При этом обычно ссылались на главу «Греческий род» в книге «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Энгельса. Однако такая столь наивная трактовка вытекала из непонимания того, почему Энгельс должен был отвести столь значительное место анализу греческого рода. Не понималось также и то, что эта глава есть, в сущности, полемика с Гротом. Последний выводил греческое государство не из распада родового строя, а утверждал его как нечто данное. Самый же род у греков Грот выводил из религии и мифологии. Энгельсу предстояло разрушить эту идеалистическую теорию. Вопреки Гроту, Энгельс рисует нам род не как ступень религиозного или мифологического сознания греков, а как ступень социального развития людей. В доказательство этого положения Энгельс приводит ряд этнографи-

¹ См. об этих теориях прекрасный обзор в работе Кулишера, Очерки экономической истории древней Греции, Ленинград, 1926.

² Ibid., глава об аграрном строе.

³ Ibid., главы о земледелии и аграрном строе древних греков.

ческих справок (ирокезы, аттеки и т. д.). Отсюда понятно, почему Энгельс отводил так много места родовым порядкам и их характеристике.

Далее, для опровержения теории Грота о греческом государстве Энгельсу предстояло опять остановиться на родовом строе и показать, что именно распад этого строя и порождает государство. Поэтому возникновение классового общества и государства в результате распада родового строя—основной тезис Энгельса против Грота в главе «Греческий род». Путем анализа гомеровского периода автор «Происхождения семьи...» сумел показать, как еще живет родовой строй, как этот родовой строй распадается и как в результате этого процесса возникает государство. Таким образом, род занимал Энгельса не потому, что он господствовал в эпоху Гомера, а потому, что возникновение государства нельзя было понять без изучения распада рода.

Иберийская община полна своеобразия, но благодаря своим типическим чертам она может быть поставлена в один ряд с греческим или римским родом. Эта община не первобытная, а сельская, с укрепленным поселением. Будучи собственницей земли и этим самым создавая предпосылки для развития собственности своих членов, эта община встречает в своей дальнейшей эволюции препятствия, заключающиеся в наличии таких же общин. Эти общины, как это было в Греции или в Риме, либо уже раньше захватили земли, либо тревожат общину в «захваченных ею землях» (Маркс). Отсюда и все значение войны, войсковой или военной организации общины, поскольку война и военная организация являются условием существования и развития такой общины, как собственницы. Такие условия в формировании «военной демократии» мы проследили и у древних иберов. Институты социальной власти в виде военачальника-басилея, совета старейшин и собрания воинов вводили древних иберов на порог формирования их государственности.

Однако это не значит, что «военная демократия» в Испании нигде не перерастала в определенные формы государственности. Античные свидетельства, правда, весьма фрагментарные и сбивчивые, дают все же нам понятие о первом иберийском государстве, именно о царстве Тартесса, которому суждено было стать отправным и вместе с тем и заключительным пунктом древнеиспанской цивилизации.

Но дальнейшее развитие было «ненормальным», прерванным вторгнувшимся на иберийский полуостров чужеземцем, римским завоевателем. Вот почему, может быть, мы так мало знаем о возникновении древнеиспанского государства, о древнем Тартессе, которому суждено существовать больше в области мифологии, чем реальной истории.

* * *

Изучение древней иберийской культуры Испании опровергает ложную теорию об «иберийском духе». Прежде всего не оказывается никакого «духа», вызвать который собирался автор этой теории. Испания в древности прошла обычный путь развития, весьма близкий к тому, как это было у древних греков и римлян. Luis Araguistain своей теорией о «древних пережитках в современной Испании» пытался отвлечь читателя от современной борьбы испанского народа против франкистского режима. Именно для этого ему потребовалось свести героическую борьбу за современную, подлинно народную демократию к пережиткам некоего «иберийского духа».

